

Известия. — 1997. — 29 апр. — с. 8

Русские и голландцы играют Достоевского. Вместе

Георгий МЕЛИКЯНЦ,
«Известия»

**«Неточка» в постановке театра
«Дом на Амстеле» и ассоциации
«Золотая маска» — на малой сцене
Театра имени Моссовета**

Одна из самых загадочных повестей Достоевского «Неточка Незванова» представлена на сцене впервые и столь неожиданно, что требуется хотя бы кратко вспомнить и саму повесть, и историю необычного российско-нидерландского театрального проекта.

Писавшая незадолго перед арестом по делу петрашевцев и потому неоконченная, «Неточка Незванова» как бы делится на две малосвязанные между собой части — судьбу таланта, загубленного самим же обладателем, и собственную судьбу Неточки, несущей проклятие прошлой жизни. После каторги Достоевский не стал ее продолжать, и она так и осталась заготовкой для большого романа, разрозненными рассказами, объединенными лишь именем героини. Создатели спектакля основное внимание сосредоточили на первой части — раннем детстве забытой, всегда полуголодной девочки, метаниях и смерти ее матери и отца. Эпизоды же последующей ее жизни обозначены мимоходом, как воспоминания или фон. У

этого спектакля до последней репетиции не существовало ни инсценировки, ни автора ее в буквальном смысле слова.

В этом-то и необычность спектакля, сыгранного одновременно двумя разными труппами на двух разных языках, поставленного двумя режиссерами: художественным руководителем амстердамского «Дома на Амстеле» Лисбет Колтоф и Борисом Цейтлиним, обладателем приза «Золотая маска» за шекспировскую «Бурю». Необычна и роль драматургов — голландца Рула Адама и нашего соотечественника Михаила Бартенева. Актеры, читая повесть страницу за страницей, импровизировали ее каждый на своем языке — рождались как бы этюды на заданные темы; драматурги же, следуя совету Глинки, слышали музыку, созданную народом, и добросовестно аранжировали ее...

Импровизация сделала возможной и оправданной очевидное осовременивание формы спектакля, когда не кажутся чуждыми ни введенная «от себя» притча о таланте в ритме рэпа, ни популярная песня «Старлесс»

Роберта Фрипа в исполнении Кинга Кримсона, звучащая вместо скрипки заезжего заграничного виртуоза (как в повести). Ни тени сомнения не возникает в том, что ведущие диалог на разных языках Неточка и ее отчим слово в слово понимают друг друга. Это происходит настолько естественно, что убеждаешься: важны не слова, важны вызываемые игрой эмоции.

В одном из эпизодов появляются три Ефимова (отчима Неточки) — два русских и нидерландец, три актера, представляющих три ипостаси персонажа: Роман Ерыгин, Михаил Меркушин и Адри Опербеке. Но вы видите перед собой одного человека — метущегося, с резкими переходами настроения, с различным отношением к самому себе, но того самого человека. Талантливого, может быть, гениального неудачника, которому «фрак оказался велик», который «злойбой себя потравил».

Неточку играют тоже две актрисы — Елена Крайняя и Тесса Дюме. Внешне они даже не схожи — они схожи своим отношением к миру и людям. Тяжелая жизнь не привела Неточку к ожесточению,

Сцена из 1-го акта: Неточка — Тесса Дюме, Ефимов — Адри Опербеке.
Фото Виктора АХЛОМОВА.

напротив, породила мечтательность и сострадание. Ее характер, ее умение «затыкать уши мечтаниям», проявившееся в ходе импровизаций двух разноязычных актрис, отлиты в четкой ремарке: «Она никак не могла смириться с тем, что отец ее — жалкий, раздвоенный, захлебнувшийся жёл-

чью человек; и в фантазиях он являлся ей преображенный, одетый во фрак, озаренный какой-то тайной мечтой». Впрочем, текст у Неточки минимальный, актрисы больше играют, вызывают чувства, а это и есть то, чего добились от них, каждый по-своему, каждый на своем языке режиссе-

ры Колтоф и Цейтлин.

Их вел Достоевский — и неожиданностью сюжета, и трагичностью обстоятельств, и почти полным отсутствием диалога. Можно сказать, что сам Достоевский толкнул их на довольно рискованный эксперимент, и он же обосновал им удачу.